

18+

Саша Ульянов

ВУДАЖУ СУДЬБЫ

Саша Ильин

**Выражи судьбы.
Избранные очерки и стихи**

«Издательские решения»

Ильин С.

Вирази судьбы. Избранные очерки и стихи / С. Ильин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536464-7

Автор этого сборника, Саша Ильин, — человек необычной судьбы. Несмотря на инвалидность 1-й группы с детства, он учится на физтехе ЧГУ, выпускает журнал, пишет стихи и статьи, работает дизайнером и веб-разработчиком, создает семью, путешествует. В своих очерках, полных оптимизма и веры в людей, Саша делится воспоминаниями, мыслями, опытом, взглядом на жизнь и на проблемы человечества. Очерки Саши дополняют его стихи, а также рисунки его однофамильца, художника с похожей судьбой Виктора Ильина.

ISBN 978-5-00-536464-7

© Ильин С.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть 1. СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ	7
ВИРАЖИ СУДЬБЫ	7
Дитя придуманных миров	7
Остров обезноженного детства	8
Поэзия словес и уравнений	10
Радуги над «Полею надежды»	12
Право оставаться человеком	13
ПОВЕЛИТЕЛЬ ТОЧЕК	16
ТРУД	20
Иллюзия широких возможностей	20
Зачем инвалиду работа?	22
Стремление быть полезным	23
Когда работодатель поворачивается спиной	23
Экстремальное погружение в мечту	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Выражи судьбы Избранные очерки и стихи Саша Ильин

Виктор Ильин *Иллюстратор*

© Саша Ильин, 2021

© Виктор Ильин, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-6464-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В чем заключается ценность нашей жизни, в чем наше счастье? Можно ли быть счастливым, если ты с рождения лишен здоровья? Можно ли жить полноценно, любить и быть любимым, работать и зарабатывать, иметь друзей, семью и детей, если ты не можешь ни ходить, ни говорить – как большинство других людей?

В юности я вряд ли мог бы ответить на эти вопросы положительно. Мечты и надежды в моем положении казались неуместными, а такие понятия, как любовь и брак – и вовсе запретными.

Тем не менее, я всегда воспринимал свое состояние не как трагедию или злой рок, а просто как данность. Родовая травма, ДЦП, костыли, неясная речь, – ну, так вот сложилось. Такая судьба. У каждого она ведь своя – судьба, у каждого – свои трудности и испытания в жизни. Только у кого-то они незаметны. А у кого-то сразу бросаются в глаза. Выйдешь на улицу – и детишки уже оглядываются, теребят своих мам: «Смотри, как он ходит...»

Стоит ли объяснять этому ребенку, что человек, который ходит или говорит как-то не так, может чувствовать, думать, мечтать, стремиться к чему-то и многого достигать – также, как любой другой человек?

Наверное, об этом стоит говорить, и не только детям. Хотя бы для того, чтобы лучше понять себя и других. Понять истинные возможности человека, его истинную ценность.

И с тех пор, как во мне проснулись литературные наклонности, я часто думал и писал именно об этом. Мне хотелось поделиться своими мыслями, опытом, своей жизнью. Ведь жизнь зачастую бывает убедительнее любых доводов. И именно жизнь изменила мои представления, убедила в том, что диагноз – не приговор, что можно жить яркой насыщенной жизнью, заниматься чем-то интересным и полезным, любить и быть любимым, работать и иметь семью, даже несмотря на инвалидность первой группы. Я знаю это, поскольку лично общался с такими людьми, и моя собственная жизнь сложилась именно таким образом.

Возможно, кто-то подумает, что для этого нужно быть везучим, либо талантливым, и не каждому это дано. Что бывают такие тяжелые физические нарушения, при которых глупо на что-то надеяться. И все же, любое везение и талант можно легко обесценить своим поведением и отношением к жизни. Можно иметь многое – и все потерять. А можно, не обладая особыми талантами и везением, не имея возможности даже двигаться, быть настолько жизне-радостным и светлым человеком, что многие будут находить в тебе опору и поддержку! Все зависит от нас самих, от силы нашего духа и глубины внутреннего мира.

Этот мир формируется нашими мыслями и чувствами, мечтами и надеждами, нашим отношением к реальности. И именно развитие внутреннего мира может сделать жизнь человека полноценной и даже бесценной, в каком бы физическом состоянии он ни находился.

В этом тоже убедила меня жизнь, проведя через множество различных событий, испытаний, открытий. И мне очень хочется поделиться этой убежденностью с другими. Составляя эту книжку из статей, написанных мной за многие годы, и делясь в них своими воспоминаниями, мыслями, опытом, своим восприятием жизни, я робко надеюсь, что кому-то это будет интересным и полезным, кого-то вдохновит, поможет поверить в себя и взглянуть на жизнь чуть иначе.

Часть 1. СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

ВИРАЖИ СУДЬБЫ

ДЦП... Это слово знакомо мне с самого раннего детства. Непонятное, странное слово, которое произносили врачи в бесконечных больничных коридорах и палатах, ставших для меня почти вторым домом. Слово, от которого веет безысходной тоской и безнадежностью... Но я привык к этому слову. Привык к больницам, привык к нескончаемым дорогам, бессонным вокзалам, прокуренным вагонам, чужим городам, где снова ждали больницы, снова врачи, снова тоска одиноких палат. Все это стало частью моего детства. И что меня ждало впереди, какая судьба ждала меня в этой болезненно начавшейся жизни, тогда еще никто не знал. Не знал и я. В те годы я вообще не думал об этом. Может, потому что не видел этого будущего для себя, боялся этого будущего. А может, просто потому что был ребенком.

Дитя придуманных миров

Да, я тогда был еще совсем ребенком. Больным и беспомощным. Хотя поначалу я еще не знал об этом. Первые свои осознанные годы я провел в деревне с бабушкой и дедушкой, ни о чем не думая и не догадываясь, а лишь наблюдая за всем и удивляясь всему. И лишь чуть позже, после переезда в город, я начал осознавать: что-то со мной не так. Помню, как я целыми днями чуть ли не плача наблюдал в приоткрытую дверь за играющими в коридоре ребятами, надеясь, что они позовут меня играть вместе с ними. Но они не спешили звать меня в свои игры, а я не решался выйти к ним. Вернее, выползти. Ведь я не мог ходить...

И тогда я научился играть сам с собой. А потом мама показала мне буквы и научила их складывать в слова, чтобы мне не было одиноко целыми днями сидеть в своей комнате, пока она на работе. Но за непонятными буквами и словами мне вскоре начали открываться целые миры – куда более интересные, чем все соседские мальчишки и девчонки с их играми! И я начал погружаться в эти книжные миры, словно убегая от болезненной реальности. Я жил жизнью книжных героев, их радостями и печалью, их мечтами. Я становился частью их мира, незримой тайной частью. Когда же книжка кончалась, а мне не хотелось с ней расставаться, я переставал быть пассивным наблюдателем, тайным свидетелем жизни того мира, и начинал вмешиваться в него, изменяя придуманный кем-то ход событий и сам становясь героем этого, теперь уже моего, мира! И это мне нравилось еще больше, ведь в моем мире я мог играть с кем захочу и вообще делать все, что захочу: не только ходить, но и даже летать, сражаться с чудовищами, спасая жизнь прекрасной принцессы, быть рыцарем, принцем, бесстрашным капитаном межзвездного корабля!..

Придуманная мной игра «в другой мир» все больше увлекала меня, отдаляя от реальности. Той реальности, в которой я был одиноким и беззащитным, для которой я был чужим. Мне казалось, что лишь там, в «другом мире», со мной все происходит по-настоящему. А тут – лишь сон, от которого хотелось поскорее проснуться.

Но я не мог «проснуться». Мне «снились кошмары». «Снились» комнаты с острым неприятным запахом, белыми стенами, белым потолком и людьми в белом. «Снились» яркие круглые лампочки на белом потолке и чувство невыносимого одиночества, холода и беспомощности. «Снились» дороги, бесконечные дороги, перестук колес и запах табачного дыма и бен-

зина, бессонные ночи на вокзале в ожидании поезда, – и снова дороги, снова перестук колес, мелькающие за окном леса, поля, населенные пункты. И снова больницы, снова эти белые комнаты с белыми людьми, причиняющими боль; и снова этот страшный узкий операционный стол под круглыми яркими лампочками, на который ложишься – как в гроб, ложишься безропотно, безмолвно, не в состоянии что-либо предпринять, не в состоянии разорвать этот сужающийся круг, не в состоянии проснуться...

Я почти не плакал. Даже когда оставался совсем один среди чужих людей в больничной палате. Даже когда было очень тоскливо и грустно. Ведь со мной были мои «другие миры». Со мной были звезды, которые уже тогда завораживали меня и, казалось, манили за собой в неведомые загадочные дали. И уже тогда я как будто что-то решил для себя, как будто чего-то ждал и на что-то надеялся. Ведь мне не нужно было слишком много, я хотел быть просто таким же, как все, хотел играть с мальчишками, дружить с девчонками. Хотел, чтобы никто не смотрел на меня с жалостью.

Но к этой мечте лежал долгий и трудный путь. После нескольких лет болезненного лечения, после нескольких операций я стал по чуть-чуть вставать на ноги и с трудом передвигаться на костылях. Мне уже было 8 лет, пора было идти в школу. И с этого момента начался новый период моей жизни: меня ждал интернат.

Остров обезноженного детства

Обычно к этому слову относятся как-то настороженно и неодобрительно. Отдать своего ребенка в интернат – сейчас это даже звучит как-то нехорошо. Но тогда, в те далекие (почему-то кажется, что очень далекие) годы все было иначе, и именно интернат подарил мне то, о чем я мечтал.

Это был особый мир, своеобразный островок детства в бушующем море действительности. Но это был остров покалеченного детства! Длинные светлые коридоры большого двухэтажного здания редко шумели от детского гомона, топота и смеха, даже на больших переменах. Случайно забредший сюда человек мог содрогнуться от жалости, увидев неулыбчивых, настороженных мальчишек и девчонок, обездвиженных и зачастую обезображенных болезнью и обездоленностью, лишенных родительского тепла и любви.

Однако мы сами не замечали этого. Костыли, коляски, неработающие руки и ноги, – все это меня не могло удивить, после всех больниц и операций. Но зато удивило другое.

Я помню, как сейчас: был теплый последний день августа, когда мы с мамой приехали в школу, как я тогда думал, в первый класс! Радостное волнение от предчувствия чего-то нового наполняло меня, казалось, до самой макушки. Разбираясь с документами, мама оставила меня на скамейке, где сидел долговязый парнишка с рыжим щенком. Я машинально сжался, думая, что сейчас он посмотрит косо и скажет что-нибудь обидное, как бывало в больницах. Но он лишь сказал: «Привет! Хочешь погладить Рэма?» И я даже не заметил тогда, что щенок Рэм сидит у него вовсе не в ногах. Ног у мальчика не было...

Потом я оказался в большой светлой палате с огромными окнами, которые меня тоже удивили: в больницах окна совсем не такие. И ребята в палате вдруг почему-то сразу столпились вокруг меня и... стали знакомиться! А один – Егорка – разглядел в моей сумке кубик-рубик и улыбнулся:

- Умеешь собирать?
- Только одну сторону.
- А хочешь, все научу?

С тех пор мы с Егором не расставались. И с Сережкой, и с Юриком, и с другими ребятами, которые оказались моими одноклассниками и... самыми лучшими друзьями с первого класса и до самого выпускного. Может быть, мне просто повезло, что я попал в такой класс – самый

лучший. И что учительница у нас тоже оказалась самая лучшая. Учившая нас не только азбуке, счету и азам самых начальных предметов, но и дружбе, взаимопомощи, честности, отзывчивости. Мария Степановна, наша первая учительница, – разве ее забудешь! И ее первый урок...

Класс оказался такой же светлый, с огромными окнами, как и палата. И мне поначалу было страшно: вдруг меня спросят о чем-то, а я – не отвечу! И я старался сидеть тихо, как мышка, на самом последнем ряду, старательно складывая руки как на картинках из букваря, которые разглядывал раньше дома. Но отсидеться незамеченным в первый урок мне все же не удалось. Рассказывая о чем-то, Мария Степановна вдруг сходу спросила:

Нижне-Ломовский детский дом-интернат, 1991 г.

Автор – в третьем ряду справа (в очках).

– Ребята, как вы думаете, что нарисовано на этой картинке в Букваре?

Ребята охотно отвечали:

– Доска!

– Парты!

– Мальчики и девочки!..

Так очередь дошла до самого последнего – до меня. И тут я... словно онемел.

– Саша, не бойся, смелее, – подбадривала учительница. – Что нарисовано на картинке? Просто скажи, как ты думаешь, и все.

Но я никак не мог сказать. Потому что мне хотелось сказать что-то другое, а этого никто не говорил. И внутри меня все сжималось и леденело: сейчас скажу самое глупое... Наконец, сдавленный звоном растущей тишины и ожидания, я все-таки выдавил из себя:

– Здесь нарисован... класс...

Мария Степановна помолчала немного, а потом произнесла:

– Мо-ло-ток!

Я не знал, что это означает: «молоток». И подумал, что я, наверное, тупой как молоток. Все сказали по-другому, нормально, а я... Лишь много лет спустя я узнал, что после урока Мария Степановна подошла к моей маме, которая ждала меня у окна напротив класса, и сказала: «Ваш сын – самый умный в этой группе».

Но я вовсе не считал себя самым умным, хотя и стал с первого же класса круглым отличником. Егорка мне казался умнее: он тоже стал отличником, но он еще и кубик-рубик научил меня собирать, и в шахматы научил играть, а мне его и учить было нечему. Я с охотой и интересом учился, мне все давалась легко, но я вовсе не стремился к хорошим оценкам. Для меня гораздо важнее было другое: у меня теперь есть друзья!

О, как мы жили, как дружили! Как не спали допоздна, обсуждая и придумывая какие-то истории и приключения («Четвертая палата, вы опять не спите! Да что же за дети-то такие попались...»)! Как целым классом, сбегая с уроков, встречали друг друга после каникул! Как были юны, дерзки и наивны, как спорили с учителями, и в то же время могли им доверять самое сокровенное, зная, что они поймут, поддержат, подскажут. Наверное, мне просто повезло, что я попал именно в такой интернат и именно в такой класс. Легендарный был класс, яркий.

Это была жизнь, какой я не ведал доселе, но о которой мечтал. Обычная детская жизнь, со своими радостями и горестями. Школа, увлечения, друзья. Только без мамы. Без домашней вкусной еды, теплой красивой одежды. С противными «банными днями» вместо домашней ванны. С нянечками и воспитательницами вместо родителей.

Не все в этой жизни было легко, не все – гладко. Интернат – не мама: может и недокормить, и недогреть. Холодные зимние ночи под тонким одеялом, постоянное недоедание и скитания по палатам в поисках недоеденного кем-нибудь кусочка хлеба, бесцеремонное поведение нянечек, – все это было для нас обыденностью. Но после каждых каникул я все равно стремился именно туда: в мой родной интернат, и только там был счастлив! Потому что только

там меня ждали настоящие друзья. Потому что только там я был не лишним, а своим, нужным, и мои костыли не имели при этом никакого значения!

Именно там, в интернате, я впервые перестал чувствовать себя больным и беспомощным, начал верить в себя, мечтать, строить планы на будущее. И когда однажды мое детское увлечение звездами переросло в серьезный интерес к точным наукам, когда я стал самостоятельно заниматься физикой и математикой, опережая школьную программу, интернат тоже понял и поддержал меня. Учителя помогали во всем, доставали учебники из старших классов, а затем и из техникумов, разбирали выводимые мной формулы и уравнения. Мой интерес к тайнам Мироздания, мой беспокойный ум и способности были замечены; мной удивлялись, мне помогали, мне делали поблажки. Я мог все каникулы напролет просидеть за учебниками по квантовой механике (уже в 8-м классе), выводя какие-то формулы и уравнения, в которых не всегда могли разобраться даже преподаватели. Я хотел что-то понять, докопаться до какой-то важной тайны. И мне казалось, что разгадка близка, что я смогу найти ее! Никто уже не сомневался, что моя жизнь будет посвящена науке, и моей ближайшей целью в жизни стал университет.

Не знаю, смог бы я стать ученым, заниматься всерьез наукой. Возможно, это была лишь мечта. Вот только судьба... у нее, кажется, были свои планы, и она оказалась еще более удивительной, чем я мог себе представить.

Поэзия словес и уравнений

После интерната, где я прожил девять лет и с отличием закончил неполную школу, где осталось мое детство и друзья, я вновь оказался в большом суровом мире, вновь один, вновь жалкий и беспомощный, никому неинтересный и ненужный. Я не готов был к этому, я слишком привык к тому дружному интернатскому миру, моему маленькому островку, где все всегда были своими, все были друзьями. Я не знал, как мне жить в большом городе, что делать? Лишь мечта об университете утешала и подталкивала к каким-то действиям, но и она была слишком нереальной.

И вот тогда, именно тогда случилось нечто совершенно неожиданное. Не любивший в школе литературу и интересовавшийся лишь точными науками, я вдруг начал писать стихи!

Робкие, неумелые, мои первые стихи показались мне поначалу даже как будто не моими, словно случайно залетевшими откуда-то в мое сознание. И все же, в них были именно мои мысли и чувства. И эти чувства казались мне слишком сокровенными, чтобы их кому-то пока-

зывать. Я удивлялся и радовался своим первым стихам, я их лелеял и хранил, не решаясь никому доверить. Но их все равно увидели.

Как ни странно, мое возвращение из интерната не оказалось незамеченным. Вскоре нас с мамой начали приглашать в детско-подростковый клуб «Добродеи», собиравший детей-инвалидов района. Начались поездки на природу, встречи и праздники в уютном добром клубе. Именно там моя мама и показала мои первые стихи директору «Добродеев» Галине Дмитриевой. Та их почему-то сразу понесла в газету, где их сразу же опубликовали. Я был просто шокирован: стихи, которые я стеснялся показать даже маме – в газете! Но вскоре я понял, что с этого момента открылась какая-то совершенно новая страница моей судьбы.

Поэзия, так неожиданно ворвавшаяся в мою жизнь, подарила мне нечто новое, доселе неведомое, невыразимо высокое и прекрасное. Я с жадностью начинал открывать для себя великих русских поэтов, читал взахлеб Лермонтова, Тютчева, Блока, Цветаеву, Пастернака, писал сам – буквально жил стихами! В моей душе словно что-то проснулось – и она задышала по-новому, начала раскрываться с новой силой, открывая мне новые грани чувств и переживаний. И если вначале мне все это казалось лишь чем-то случайным, мимолетным, то теперь я все острее начинал чувствовать себя именно поэтом. Даже если бы мои стихи никто не читал, даже если бы они были только для меня, я все равно бы не мог не писать, потому что именно творчество начинало давать мне ту радость и ощущение полноты жизни, ощущение самореализации, которой мне не хватало.

Но мои стихи оказались нужны не только мне, их читали! Им удивлялись, их хвалили, иногда не понимали, иногда – плакали. Начиная с «Добродеев» и первой газетной публикации в 1994-м году, мои стихи словно начали жить своей жизнью: их читали и передавали друг-другу, но зачастую я сам не знал, какими путями они попадали к тому или иному человеку. Стихи словно сами находили себе дорогу: от Галины Дмитриевой – к журналисту и писателю Галине Зиминной, от Зиминной – к известной писательнице Розе Шевлеби, от них – к другим людям, в другие клубы, объединения и организации. Именно Зимина и Шевлеби очень многое сделали для меня в самом начале: благодаря им было и знакомство с Союзом писателей Чувашии, и первая серьезная публикация в сборнике «Голос души», и первая литературная премия, и первый творческий вечер, и первый незабываемый выход на сцену: большой зал, мои стихи, аплодисменты...

Это была словно новая жизнь! Новые друзья, новые стремления и надежды. Я уже не был одиноким и беспомощным, даже в большом городе. Я был равным среди здоровых, умных, одаренных. И для меня это стало важнее, чем формулы и уравнения.

А между тем, события разворачивались все интереснее и неожиданнее. За первую же большую подборку стихов, опубликованных в совместном сборнике юных авторов Чувашии «Голос души» в 1998 г., мне вручили национальную литературную премию им. Альберта Канаша. Затем были другие сборники, другие дипломы и премии, дважды мне присуждалась президентская стипендия «за особую творческую устремленность». А в 2002 г. – членский билет Международного сообщества писательских Союзов.

Ну а как же наука? Ее я тоже не мог так просто бросить, не мог изменить своей прежней мечте. В 1996 г. я пошел на отчаянный шаг и наравне со всеми поступил на очное отделение физтеха Чувашского госуниверситета. Поступил легко, почти играючи. Но вот как мне учиться дальше в этом ВУЗе наравне со здоровыми – этого никто не знал! Ведь посещать университет я не мог (каждый день ездить на коляске в другой конец города, на автобусах с двумя пересадками – это было нереально). Весь ВУЗ был в недоумении: как можно учиться на очном отделении, не имея возможности посещать лекции и занятия? Но потом все как-то успокоилось: ладно, пусть попробует, все равно, этот колясочник провалится на первых же экзаменах...

Но нет, не тут-то было: первые же экзамены я сдал на отлично. Это было впечатляюще: инвалид 1-й группы, опрометчиво поступивший на очное отделение физтеха и полностью

самостоятельно, в одиночку проходивший весь курс, ни разу не посещая лекций и занятий, сдавал все экзамены, один за другим, на отлично! После этого на меня уже смотрели по-другому. Это была еще одна победа, еще один гол в ворота непокорной судьбы.

Но впереди было еще несколько лет интересной и непростой учебы, где по-прежнему приходилось все проходить самостоятельно и до всего доходить своим умом, где порой всего лишь за неделю до экзаменов приходилось брать лекции, переписывать их ночами, и затем проходить весь курс за целый семестр сразу по нескольким предметам в течение лишь нескольких дней; где нужно было на громоздкой неудобной коляске через весь город на автобусах с пересадками вдвоем с мамой добираться до ВУЗа, чтобы сдать очередной экзамен и получить очередное «отлично».

Не знаю, к чему бы привела меня эта дорога. Диплом с отличием? Аспирантура? А дальше? Работать преподавателем физики, как другие выпускники факультета, я не мог. О научно-исследовательской работе где-то в НИИ в моем положении даже думать было смешно. Заниматься наукой в одиночку? Но и такая перспектива меня не радовала: что сейчас можно сделать в науке одному? Конечно, у меня оставались стихи, я мог более серьезно заняться литературной, перевестись на филфак, что мне не раз советовали сделать. Но...

Радуги над «Поле надежды»

Но судьба сама вмешалась в мои раздумья и вновь привела к совершенно неожиданному повороту. Причем вновь здесь сыграли роль именно мои стихи: как раз благодаря им произошло наше знакомство с директором Центра социальной терапии Владимиром Емельяновым, который предложил мне с друзьями выпускать свой журнал, предоставив все необходимое для этого (оргтехнику, финансирование) и полную творческую свободу! Предложение было настолько заманчивым, что отказаться от него было невозможно, даже несмотря на то, что у меня тогда не было никакого опыта в издательской сфере. Намечалась большая, серьезная работа, и я понимал, что не смогу совмещать ее с уже терявшей для меня смысл учебой в университете.

И тогда я ушел из университета. Ушел на третьем курсе, на самом пике успешной учебы. Для многих это был непонятный поступок, да и мне самому было немного жаль. Но я уже не мог больше цепляться за прежние мечты, терявшие для меня смысл и не приносившие удовлетворения. Меня звало новое! Новые мечты, надежды, стремления. Идея журнала быстро росла и развивалась, нашла поддержку среди моих друзей. Собрался творческий коллектив: поэт Андрей Казак, журналист Дима Николаев, художник Виктор Ильин, корреспондент Владимир Сурков – и мы шагнули навстречу неизвестности...

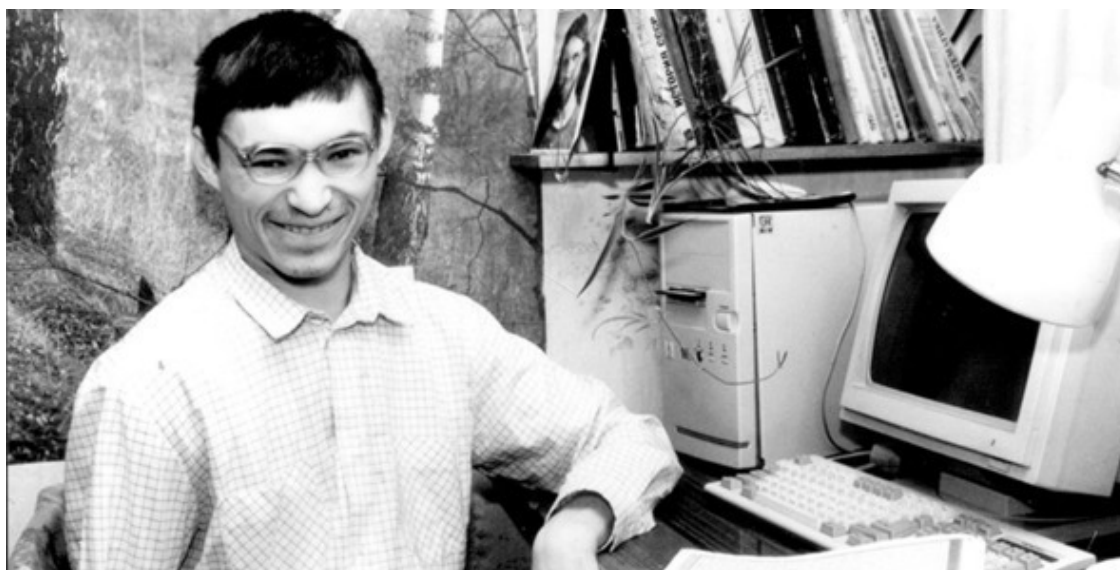
Редактор журнала «Поле надежды», 2001 г.

Это была еще одна новая и совершенно неожиданная страница в моей жизни: журнал «Поле надежды». Очередной вираж! Сейчас даже смешно вспоминать, с чего все начиналось, как мы мечтали, как рвались, ничего не зная, ничего не умея, вслепую, на одной лишь наивной мечте. Мы хотели создать журнал, который стал бы самым добрым, самым искренним, самым человечным журналом на свете.

Целый год работы всего лишь над одним, самым первым номером, целый год постоянных экспериментов с оформлением и содержанием, поисков своего стиля, отшлифовки идеи журнала, каких-то новых находок, постоянных споров, неудач и огорчений – и снова находок, и снова побед...

Журнал все-таки вышел, в начале весны 2001 г. – первой весны нового века и тысячелетия. Тощенький, в невзрачной обложке, крохотным тиражом и с множеством недочетов, он, словно маленький ребенок, делал свои первые робкие шаги навстречу миру.

И город как будто восторгался! Почти все, кто прикасался к журналу, не могли остаться равнодушными: кто-то удивлялся, кто-то восторгался, кто-то плакал. Журнал путешествовал из рук в руки, от сердца к сердцу, его читали самые разные люди – и здоровые, и больные, его читали в больницах и в школах. Он доходил до других городов и стран, дошел даже до Америки, путешествуя по рукам. Об этом нам рассказывали письма, идущие в адрес редакции. И для нас это было самое ценное – то, ради чего мы и делали этот журнал. Ради этого стоило проделать весь этот путь, целыми днями и даже ночами корпеть над каждой страничкой. Ради этого стоило продолжить начатое. И мы продолжали.

Право оставаться человеком

И продолжаем до сих пор. Продолжаем, как можем, как умеем, несмотря на все трудности и проблемы. И пусть судьба преподносит все новые неожиданности и повороты, и нет уже больше журнала «Поле надежды», и разъехались многие старые друзья. Но я все равно продолжаю работать: над другим похожим журналом «Луч Фомальгаута», над новыми сборниками и сайтами. Ведь год от года появляются новые друзья, и мы снова беремся за новые проекты, общаемся и дружим, несмотря на разделяющие нас расстояния и ограничивающие физические возможности. Потому что без этого – нельзя, потому что в этом – жизнь!

Я многое понял за эти годы, многое переосмыслил, осознал. Жизнь может столкнуть нас с самыми разными обстоятельствами, которые не зависят от нас. Но в какие бы сложные ситуации мы ни попали, какие бы лишения ни испытывали, нам всегда дано одно право и одна возможность: оставаться настоящим человеком и прожить свою жизнь ярко и красиво, даря людям, встречающимся на нашем жизненном пути, что-то светлое и доброе. Никакие костыли и коляски, никакие ограничения в движении и общении не в состоянии лишить нас такой возможности. Мы не можем изменить многие обстоятельства, но свою жизнь, свою судьбу мы все же можем творить сами: своими мечтами, своими стремлениями, своим внутренним духом. Ведь ничто в жизни не бывает случайным, все происходящие события так или иначе связаны, прежде всего, с самим человеком, с тем невидимым, что составляет его внутреннее «я». И все неожиданные повороты в моей жизни, все виражи моей судьбы тоже не были случайными, несмотря на их внешнюю неожиданность: они всегда возникали именно тогда, когда они мне были нужны более всего, когда я внутренне уже не хотел идти по прежнему пути, но хотел чего-то другого в своей жизни и был готов к чему-то другому.

Те далекие грустные годы моего раннего детства, та тоска больничных палат и ощущение беспомощности мне кажутся теперь каким-то полузабытым сном. Теперь у меня совсем другая жизнь. Полная интересных встреч и знакомств, нескончаемых дел, идей, планов и проектов. Я вижу, что жизнь прекрасна, несмотря на все трудности и проблемы; что в жизни очень многое зависит именно от тебя самого, даже если ты так мало, казалось бы, можешь. Но если ты сможешь хотя бы побороть чувство своей малости и никчемности, если сможешь поверить в себя и почувствовать, что от тебя что-то в этой жизни зависит, что ты отвечаешь за что-то или за кого-то – хотя бы за бездомного котенка во дворе, хотя бы за свой дом, за своих родителей, – то это уже большая победа, это уже шаг к тому, чтобы быть не просто беспомощным инвалидом, а нужным кому-то, интересным человеком. И чем больше ты видишь вокруг себя тех, кому хочешь помочь, чем больше видишь интересных сфер деятельности, в которых хочешь участвовать, чем больше ответственности чувствуешь за свою собственную жизнь и за все происходящее рядом, тем больше у тебя дел и друзей, тем ярче, полнее и интереснее жизнь.

Ну а когда ты весь в делах и друзьях, когда тебе не хватает целой жизни, чтобы насладиться этим удивительным праздником каждого дня и успеть сделать все, что хочешь, тогда твои костыли и коляски отступают на дальний план. Ведь по большому счету, какая разница, как ты говоришь и ходишь, если ты живешь для того, чтобы быть нужным кому-то, чтобы дарить кому-то свет своей души? И у тебя есть что дарить, в любом случае есть.

2005, 2009 гг.

ИНАЯ ДАЛЬ

Живу, дышу, и каждым мигом
Как вечным даром дорожу,
Любуюсь солнца ясным ликом
И в звёздах радость нахожу.

Осенним жёлтым листопадом
Грущу у мокрого окна
И белым зимним снегопадом
Среди снегов ищу тепла.

Но и в дожде, и в снегопаде
Стремился искренне я жить,
И в этом жизненном укладе
Я разучился не любить.

Я разучился не стремиться
К тому, что выше облаков,
И одиночеством томиться
Во власти будничных оков.

Теперь я если и болею,
То только небом голубым.
Живу, дышу, – и не умею
Быть равнодушным и пустым.

В любом движении, в каждом звуке,
В сиянии звёзд и мгле дорог,
И в каждом тихом переулке
Я вижу вечности залог.

Я чую мира бесконечность
И понимаю, что не зря
В душе моей иная вечность
В иную даль зовёт меня.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТОЧЕК

Памяти чебоксарского художника Виктора Ильина

Мы с ним виделись лишь однажды. Но этой встречи было достаточно, чтобы на долгие годы стать друзьями. Нас сблизили и общность взглядов, и общая работа в издательстве. «Иная даль», «Поле надежды» – эти издания стали крупными вехами в нашей жизни, еще более сблизившими и сдружившими нас. И все это казалось неслучайным, даже то, что мы однофамильцы. Словно судьба давно подготовила нашу встречу.

И вот его не стало. Неожиданно. Нелепо. Горько... Смерть всегда неожиданна и жестока, но уход Вити стал особенно неожиданным для всех нас. Он всегда был настолько бодр и оптимистичен, что, кажется, мы и забыли, насколько он слаб и болен. Он словно хотел обмануть саму смерть и жил вопреки всем прогнозам врачей! Жил и творил. Творил чудесные картины.

Я до сих пор помню ту нашу встречу летом 1997-го. Она была важной и знаменательной, потому что именно с нее, наверное, все и началось. Именно тогда мы, наверное, поняли, что вместе мы – не просто друзья, а команда, и нам под силу нечто большее. Дима Николаев, Андрей Казак, я и – он, Виктор Ильин. Вся будущая редколлегия. Вместе, в одной небольшой комнате, где день ото дня Виктор с большим упорством и любовью создавал свои картины... Мы тогда были знакомы лишь по телефону; он знал, что я пишу стихи, а я знал, что он рисует. Идея издать совместный сборник, сочетающий стихи и рисунки, родилась у Димы, который тогда работал главным редактором альманаха «Твой день» Казанского центра инвалидов, а директор нашего Чебоксарского МЦИ «Доброта и мир» поддержала идею и обещала помочь. Но я еще не представлял, что из всего этого может получиться, потому что не видел картин Виктора.

Виктор Ильин за работой.

Да, эти картины надо было именно увидеть! Сказать, что они меня потрясли, было бы неверно. Они просто притянули меня к себе, как магнит. Я даже не слышал, о чем говорили ребята, что обсуждали, – настолько был увлечен рисунками. Они были необычными, состоящими из множества крохотных точек. И из этих точек возникало пространство, объем, тени и блики, возникали образы и лики. Я никогда до этого не видел такую технику рисования – пуантилизм, и мне она показалась очень сложной. Но этой сложной техникой искусно владел человек физический настолько слабый, что с трудом удерживал чертежное перо в руках!

Однако еще больше меня поразили сами сюжеты и образы картин Виктора. Даже их названия были необычными: «Пигмалион», «Нить Ариадны», «Созвездие Медузы», «Эдемский сад», «Лобное место»... Это были не просто рисунки, а словно некие сгустки мыслей, идей и художественных образов, выраженные в графической форме. В каждой картине был какой-то свой смысл, своя загадка. И Виктор потом подтвердил, что долго продумывает сюжет каждой картины, прежде чем сесть за ее прорисовку, и что в каждую картину вкладывает определенный смысл. Я разглядывал их, пытаясь вникнуть в этот смысл, разгадать заложенные в них мысли. Они мне даже показались немного гипнотическими.

Такие впечатления были не только у меня. К Виктору приходило много людей, знакомых и даже незнакомых, чтобы посмотреть его работы. Все чаще проводились и персональные выставки Виктора в различных музеях города, которые также вызывали большой интерес посетителей. Потом появилась долгожданная «Иная даль» с моими стихами и рисунками Виктора, а затем и журнал «Поле надежды». И первый же материал первого номера мы посвятили именно Виктору! «Человек, творящий красоту» стал одним из самых ярких материалов «Поля надежды» – как благодаря рисункам Виктора и его богатому внутреннему миру, ярко

отраженному в статье, так и благодаря искреннему и оригинальному стилю изложения нашего замечательного журналиста и поэта Андрея Казака.

Что было потом? Много хорошего. Были новые номера журнала «Поле надежды», новые друзья, встречи и знакомства, презентации и фестивали, передачи на радио и ТВ. С Виктором мне больше не довелось встретиться, но мы часто общались по телефону. Он всегда был бодр и весел, поддерживал других, если было нужно, и никогда не говорил о своих трудностях. По его голосу невозможно было даже догадаться о его физической слабости.

Но, увы, болезнь брала свое. Страшный диагноз – прогрессирующая миодистрофия – каждый день висел над ним дамокловым мечом. Его спасало лишь творчество. Пока он творил – он жил, вопреки всем медицинским прогнозам! Но в те последние дни он не мог творить. Не был дома, в своей привычной «мастерской». Чудесные летние дни, которые последние годы он мог лицезреть лишь из окна, а может, какой-то внутренний голос нестерпимо звали его к истокам, – в деревню, где родились его предки, где прошло его детство...

«Привет, Сань! Как дела? Все за компом сидишь?» Как всегда, веселый, бодрый голос по телефону. Если бы я знал тогда, что слышу его в последний раз! Но никто не мог знать, что всего лишь через несколько дней придет горькая, нелепая весть: Виктора не стало...

Тяжело, когда уходят друзья. Но они не уходят бесследно, остается память. Светлая, благодарная. А Виктор оставил еще и картины. Глубокие, оригинальные, несущие в себе множество светлых образов и мыслей, которые, возможно, нам еще лишь предстоит понять.

Виктор Ильин

КОЛЫБЕЛЬ АНГЕЛА

О, я прошу вас, не верьте, не верьте,

*Что от людей остается лишь прах.
Люди сильнее забвенья и смерти!
Люди уходят. Уходят навеки,
Чтобы навеки остаться в сердцах.
Наших сердцах...*

2008 г.

Десять лет спустя после написания этого очерка я решил создать группу ВКонтакте, посвященную Виктору Ильину:

https://vk.com/hudozhnik_viktor_ilyin

Здесь можно познакомиться почти со всеми его картинами, а также с биографией, с публикациями о нем в прессе, с мыслями самого художника.

Картины Виктора включены и в этот сборник: начиная с обложки, они сопровождают мои тексты, как и 20 лет назад в сборнике «Иная даль».

ТРУД КАК РЕАБИЛИТАЦИЯ

Помню, как сейчас, то время, когда я заканчивал школу. Это было давно: в прошлом веке, и даже в другой стране, называвшейся СССР. Но, как и перед большинством других старшеклассников (и в те времена, и сейчас), передо мной стоял вопрос: куда пойти дальше учиться, а затем работать? Вопрос знакомый, наверное, каждому. Однако для меня он был особенно сложным. Ведь учился я в особой школе: интернате для детей-инвалидов. И те профессии, что мне могла предложить страна, ограничивались тремя вариантами: сапожник, часовщик и бухгалтер. Первые два сразу отпадали: моими парализованными руками часы можно только ломать, а не чинить. Ну а карьера бухгалтера меня тоже как-то не прельщала, несмотря на мое увлечение математикой.

С тех пор прошло почти 30 лет. Сменился век. Сменилась страна. И, оглядываясь назад, я удивляюсь, как многое изменилось. Появились компьютеры, Интернет. Открылись возможности дистанционного обучения и работы.

С 1998 года, когда в моей трудовой книжке появилась первая запись, я почти постоянно работал. Чем только не занимался: выпуском журнала, версткой и дизайном печатных изданий, разработкой сайтов, программированием. Конечно, моя работа не была высокооплачиваемой. Но мне всегда было интересно то, чем я занимаюсь, и всегда было важно: быть востребованным, нужным, делать что-то полезное. За все эти годы я убедился, что даже имея инвалидность I группы, вполне можно найти работу, причем по душе.

Но убедился я и в другом: человеку с инвалидностью найти работу очень нелегко. Нам вообще многое дается значительно труднее, порой даже самые простые вещи: общение, передвижение, самообслуживание. А что уж говорить о более сложном: семья, работа...

Нужна ли вообще работа людям с инвалидностью? И как ее найти, как помочь тем, кто хочет работать? Почему так трудно инвалидам в нашей стране найти работу, несмотря на современные цифровые технологии? В последнее время я часто задумываюсь над этими вопросами. Хотя это может показаться странным: думать о проблемах трудоустройства, работая в серьезной интернет-маркетинговой компании. Но, может, дело просто в том, что периодически я слышу: «Саш, помоги найти работу». И в бессилии развожу руками.

Иллюзия широких возможностей

Компьютер и Интернет – эти два понятия сильно изменили жизнь всего общества. А для людей с инвалидностью они стали играть еще более значимую роль. Мир словно распахнулся – и из замкнутого пространства в окружении четырех стен мы вдруг вырвались в некое открытое пространство – всемирную сеть, где нет никаких расстояний, где можно свободно общаться, даже если ты не можешь произнести ни одного слова!

Естественно, это значительно расширило наши возможности. И если во времена моих школьных лет число профессий, доступных инвалидам, легко можно было пересчитать по пальцам одной руки, то теперь этот список трудно даже перечислить. Вот лишь некоторые возможные направления:

Мое рабочее место.

- компьютерный набор текста (в издательствах);
- компьютерная верстка и дизайн печатных изданий (в издательствах, типографиях);
- подготовка текстовых материалов для печатных и интернет-изданий (копирайтинг);
- разработка и обслуживание веб-сайтов, форумов и прочих интернет-ресурсов;
- программирование веб-приложений, приложений для смартфонов и т.д.;

- дизайн веб-сайтов;
- дизайн интерьеров, компьютерная визуализация дизайна;
- видеомонтаж;
- фотоуслуги.

Список действительно очень неполный (попробуйте продолжить его сами). Но уже по нему видно: выбор теперь куда шире, чем 30 лет назад. А главное – всем этим могут заниматься даже инвалиды I группы (с сохранным интеллектом), работая на дому.

Однако насколько все эти направления деятельности реально распространены в обществе, среди инвалидов? По данным Министерства труда и социальной защиты РФ на 2012 год, из 3,39 млн инвалидов, находящихся в трудоспособном возрасте, работает только 20,3%. При этом я не нашел никакой статистики о том, каков процент работающих инвалидов I группы, и много ли инвалидов работают программистами, дизайнерами, верстальщиками, фотографами. Но по моим наблюдениям, их – единицы, особенно среди инвалидов I группы.

Почему же так происходит, при наличии всех современных возможностей? Я бы выделил три основные причины.

Во-первых, многим инвалидам не хватает знаний и опыта. Мне не раз приходилось слышать: «Я готов делать все, что скажут». Конечно, это вызывает лишь улыбку: если я попрошу этого человека подготовить шаблон для «Джумлы», он вряд ли даже поймет, о чем его просят. Очень трудно подобрать работу тому, кто готов делать все, но в реальности ничего сделать не сможет. Да, его можно многому обучить. Но, как правило, в условиях современного рынка у работодателя на это нет ни времени, ни желания. Без опыта на работу никого брать не хотят, даже здоровых.

Во-вторых, многие работодатели морально не готовы работать с инвалидами, особенно дистанционно. Это может звучать грустно и неприятно, но все же: будь вы даже опытный веб-мастер, на это место, вероятнее всего, захотят принять здорового человека с аналогичной квалификацией. Что вполне понятно: если работодатель не имеет опыта работы с сотрудниками дистанционно, то он стремится идти более знакомым, проверенным путем.

И третья причина, с которой, может быть, не все согласятся, но о которой я все же не раз слышал и сам ее замечал: далеко не все инвалиды хотят работать. И это тоже можно понять. Вставать каждый день в одно и то же время и делать то, что необходимо, независимо от настроения, желания, интереса, – это требует неких волевых усилий, некой тренировки, что ли. Многим хорошо знакомо, как порой непросто возвращаться к работе после длительного отпуска или вынужденного перерыва. А если человек впервые начинает работать лишь лет в тридцать, ему еще труднее. У здоровых, как правило, есть «железный» стимул: нужно кормить себя и семью. А у нас есть пенсия – надежный финансовый тыл. Так к чему работать, ради чего?

Зачем инвалиду работа?

Конечно, у нас есть пенсия, и спасибо государству за это. Но наивно было бы думать, что пенсии хватает на все. Хорошо, если человек живет с родителями, берущими на себя все хозяйственные заботы и расходы. Но даже в этом случае хочется финансовой независимости, чтобы иметь возможность приобрести то, о чем мечтаешь, ни у кого не спрашивая.

Сложнее тем, кто остался без родителей, – увы, таких случаев тоже немало. Вот тут начинаешь понимать, что пенсии может не хватить не только на новый смартфон, но и на квартплату, растущую по своим непостижимым законам. А когда в квартире вдруг что-то ломается, или тебя затопит сосед сверху, так что срочно потребуются ремонт, то и вовсе хватаешься за голову! Говорить же о новых пластиковых окнах взамен старых деревянных вообще не приходится, – затыкай на каждую зиму старые окна непослушными больными руками.

Даже если тебе повезет, и ты найдешь свою половинку, жить двум инвалидам без посторонней помощи тоже непросто. Множество мелких и, казалось бы, незначительных проблем, невидимых со стороны, приводят к совершенно неожиданным расходам: оплата соцработника, частые поездки на такси – за различными справками, вызовы электрика – порой просто поменять сгоревшую лампочку. Обыкновенное мытье окон – даже это требует обращения в специальные агентства. А если у такой семейной пары появится ребенок? Скорее всего, понадобятся услуги няни, оплатить которые на пенсию тоже затруднительно.

Но бывают и более сложные ситуации: мама – инвалид первой группы, практически в одиночку воспитывающая ребенка. Тут и объяснять не нужно, как сложно прожить на одну пенсию, да еще и растить ребенка. А ведь это тоже не является какой-то исключительной редкостью. Даже в своем небольшом окружении я знаю три таких случая!

Все эти ситуации я описал именно потому, что непосредственно наблюдал их и даже проходил сам. Долгое время я жил с мамой. Затем остался один – из-за болезни мама ушла из жизни слишком рано. А потом женился, и теперь мы живем вдвоем с супругой, без посторонней помощи. Обустройство квартиры под свои потребности, самостоятельное ведение хозяйства – все это оказалось вполне реально нам самим. Но сделать это на одну лишь пенсию без всякой помощи очень непросто – в этом я убедился, пройдя через множество разных ситуаций в своей жизни.

Стремление быть полезным

Да, дополнительный заработок часто бывает крайне необходимым. Но это – лишь одна сторона. Лично я никогда не стремился работать только лишь ради заработка. Заканчивая школу-интернат, я даже и не думал о работе, – в моем положении это казалось нереальным. Но для меня примером всегда были мои мама, бабушка и дедушка, которые всю жизнь работали, что называется, не покладая рук. И работали не только чтобы заработать на хлеб (а на большее и не хватало). Просто человек должен что-то делать в этой жизни. Он должен быть полезным и нужным. Если и не стране, то хотя бы своим близким.

Может быть, такие мысли в наше время многим покажутся наивными. Но я рос и воспитывался именно на этом. Наверное, поэтому всегда хватался за любую возможность работать, не пугаясь мизерной зарплаты. И когда мне впервые предложили работу – собирать мебельную фурнитуру, – я без колебаний согласился. В то время (в конце 90-х прошлого века) было выгодно официально принимать на работу инвалидов, предприятиям давались льготы. И многих зачисляли чисто формально. Но мне дали реальное дело: каждую неделю привозили большой мешок с деталями мебельных ручек, которые нужно было собирать. И мы собирали, все вместе: мама, бабушка, я. Помню, даже мозоли натер. Смеялся: первые трудовые! Но когда получил первую зарплату и купил маме удобный электрочайник, – это было такое воодушевление: я МОГУ работать! Даже с больными руками – я МОГУ приносить какую-то пользу!

Эта моя первая работа была недолгой, около года. Но и дальше я брался за все, что предлагали: решал контрольные по физике и математике, печатал тексты объявлений. А в 2000 году мне предложили издавать журнал. Зарплата была еще меньше, чем в первый раз. Но разве это имело значение! Возможность выпускать журнал для инвалидов всей страны, делать что-то действительно стоящее, полезное – это было пределом мечтаний! Пусть я не умею, пусть трудно, – но я же научусь! И потраченные на журнал усилия действительно дали такой результат, который, наверное, несравним с доходом даже миллионеров: множество писем со всей страны, множество новых друзей. Бесценный опыт: подготовки материалов, верстки, разработки первого сайта...

Журнал «Поле надежды» просуществовал недолго, лишь три года. Но он дал мне очень многое, многому научил. Именно тогда я отчетливо понял, как нужна человеку работа, в чем ее истинная ценность. Работа, в самом лучшем ее понимании, – это не только финансовый доход и материальное благополучие. Это – общение и дружба, это – любимое дело и набираемый опыт, мастерство. Это – ощущение самореализации, ненужности своей жизни. Ощущение, что ты делаешь что-то нужное, стоящее. Что ты не хуже других, здоровых. И вот как раз это для нас – людей, порой особенно остро чувствующих свою слабость, ненужность, ущербность, – особенно важно. Может быть, именно это и делает нас полноценными.

Когда работодатель поворачивается спиной

Наверное, на первых порах мне просто везло: работа в основном находилась сама. Но так было далеко не всегда. В 2004 году, после того как закрылся журнал «Поле надежды» из-за отсутствия финансирования, я вдруг оказался словно в вакууме. Чем заниматься дальше, в каком направлении идти? Как и прежде, я был готов браться за любую работу. Но теперь я кое-что уже умел: верстать сборники и журналы, делать сайты. Казалось, с таким багажом знаний работу найти гораздо проще. И вместе с мамой мы активно взялись за поиски: регулярные просмотры различных объявлений о работе, рассылки резюме...

Но здесь меня ждали первые разочарования: даже те немногие работодатели, которые отзывались на резюме, мгновенно теряли интерес, узнав о моей группе инвалидности. Больше

всего перспектив было найти работу веб-мастером: некоторые веб-студии города после знакомства с сайтом «Поле надежды» согласились взять меня на работу. Но на одном условии: я должен был работать в офисе. Условие для меня было невыполнимым.

Так я столкнулся с жесткой действительностью: большинство работодателей не готовы брать на работу инвалидов. И с этим я ничего не мог поделать, увы. Но я мог другое: продолжать заниматься тем, что мне нравилось.

А еще я мог предложить свою помощь другим, например, журналу «Луч Фомальгаута». Познакомились мы еще в начале двухтысячных: мне нравился этот скромный, но умный журнал, по духу близкий «Полю надежды». Но я видел, что над ним работают практически лишь два человека, не имеющие опыта верстки и дизайна. А у меня кое-какой опыт в этом уже был. И было время. И желание.

Так я вошел в небольшой коллектив журнала «Луч Фомальгаута», выпускавшегося Центром социокультурной анимации «Одухотворение» (Москва). Вошел, можно сказать, по собственной инициативе. Вначале для меня это была в основном работа для души – как и с «Полем надежды». Но постепенно издательская деятельность в «Одухотворении» стала выходить на более профессиональный уровень, редакция доросла до целого издательства, выпускающего, помимо журнала, также сборники произведений талантливых авторов-инвалидов, научно-методические издания. Появились сторонние заказы (бюллетень «Молодежь.INV: мы вместе»).

Параллельно я продолжал осваивать премудрости веб-разработки. Вначале чисто для себя – просто было интересно. Но после того, как сайт «Поле надежды» вышел в финал крупного Всероссийского конкурса веб-мастеров, у меня появились первые заказы из Москвы на разработку сайтов. Это было большим волнительным событием: мои первые заказы! Тут уже требовался другой уровень профессионализма: нужно сделать так, чтобы понравилось заказчику, который, к тому же, не всегда может четко сформулировать, что же ему нужно (и ничего не знает о моем диагнозе). Здесь мне было чему учиться, и не всегда все получалось. Но, тем не менее, с некоторыми из своих первых заказчиков я до сих пор поддерживаю хорошие отношения и продолжаю техобслуживание их сайтов. В дальнейшем работа над веб-проектами началась и в «Одухотворении»: сайты «Луч Фомальгаута», «Одухотворение», «Открой себя».

Казалось бы, все складывалось замечательно: хотя в своем городе я работу так и не нашел, но без дела не остался. Причем, занимаясь тем, что мне нравится. И тем не менее, не все меня удовлетворяло. За исключением отдельных заказов (которых, в общем-то, было немного), в основном я работал лишь в организациях, занимающихся инвалидами, где я был единственным дизайнером/верстальщиком и веб-мастером. График работы у меня был свободный, а заработок – нерегулярный и невысокий. Думая об этом, я часто задавался вопросом: а смог бы я работать в серьезной компании, никак не связанной с инвалидами, в команде специалистов, наравне с ними? Причем на дому, дистанционно? Я понимал, что это было бы куда сложнее, но именно такая работа казалась мне настоящей профессиональной деятельностью. И именно об этом я мечтал. Мечтал и боялся, боялся и хотел, хотя бы попробовать: смогу ли?

А в 2011 году эта мечта вдруг переросла в необходимость: я попал под сокращение и остался без работы, не было даже заказов. При этом в моей личной жизни назревал серьезный поворот: ко мне переехала девушка, с которой мы давно встречались и собирались расписаться. Впереди была свадьба и совместная жизнь двух инвалидов первой группы без посторонней помощи. Надеяться нам было не на кого: я остался, увы, без родителей, мои двоюродные сестры, помогавшие до этого, разъехались. А родители моей супруги живут в другой области, за семьсот километров от нас. Надеяться приходилось лишь на себя, самому нужно было зарабатывать и на свадьбу, и на дальнейшее обустройство квартиры (затыкать на каждую зиму старые деревянные окна мы точно не могли).

Экстремальное погружение в мечту

Натыкаться на старые грабли и вновь искать работу по объявлениям в своем городе мне вовсе не хотелось: за семь лет в этом плане вряд ли что-то могло измениться. Но в Интернете за это время изменилось многое: появились социальные сети, сайты фрилансеров, объявлений и вакансий. Поэтому поначалу мне казалось, что найти заказы в Интернете не составит труда. Однако несколько месяцев прочесывания сайтов по фрилансу не дали результата: все заказы были с такими высокими требованиями по скорости исполнения (во всяком случае, для меня), причем без всякой гарантии оплаты, что я не решался даже связаться с заказчиками. Давать объявление на таких сайтах я тоже не решился: оно бы сразу затерялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.